

ЛИНГВИСТИКА

УДК 800/86/.87. 801

Г.В. Калиткина

«СТАРЫЕ ВЕЩИ» В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Диалектный дискурс позволяет реконструировать систему временных отношений через имена артефактов. Интерпретация «возраста» вещей соотносится с типом культуры. Для традиционной культуры не релевантно понятие морального старения вещей. Вещи, утрачивая утилитарную (практическую) ценность, переходят в разряд хлама, который следует отчуждать (этот статус указывает определение старый), или приобретают для их владельца символическую ценность залога самоидентификации в потоке времени (на этот статус указывает определение старинный).

Жизнь человека протекает среди бесконечно разнообразных дискретных объектов – вещей. Вещные сущности определяются остенсивно, в языке они описываются жесткими десигнаторами. В онтологическом плане дискретные материальные объекты представлены натурфактами (биотическими и небитическими системами) и артефактами. Последний термин в настоящее время используется как в естественных, так и в гуманитарных дисциплинах. В широком смысле артефактом является все то, что несет на себе печать человеческой деятельности, принадлежит миру людей и обозначает этот мир: преобразованная человеком природа, материально-вещественные стороны его собственного социального и природного бытия, а также идеально-символические формы [1, 2]. Выделив артефакты культуры и артефакты цивилизации, артефакты науки и артефакты техники, артефакты материальные и артефакты идеальные, И.Ф. Игнатъева настаивает на том, что «современный человек рождается в почти полностью артефицированной среде» [2. С. 3].

Хотя в европейской метафизическом дискурсе «вещью» именуется все, что вообще и каким бы то ни было образом есть¹ [1], это, по мнению Р. Дженкедоффа, один из исходных концептов, которые структурируют чув-

¹ В среднеобских говорах слово *вещь* также является многозначным: *Скупость? Ну как сказать – неохота транжирить свои вещи; Невод – это большая веши... тоже плетётся дёлю, как сеть; В сельском хозяйстве и это веши [о хламе во дворе]; В машине всё было нво, а он одну веши подменил. В ей все вешишы нвы, а одна стара, из утилю; [Кот ловит мышей?] Нет. Он не любит таку вешишы делать, лежит да и всё.* К одному из значений вещи в говорах приближается значение лексем *предмет (предмета), штука, фигура*: *Поехал по Тыму, по Васюгану, наречья у них списывал, как зовут какой предмет; Вот двадцать предметов у меня сгорело тут-ка; Эта предмета больша; А счас комбайн – это удобна штука; У меня мужик был, он одной студентке из города сабан сделал, чтобы показать, что это за штука; Ты в этой фигуре жарить будешь?* (Здесь и далее приводятся материалы из диалектного архива Томского государственного университета, где собраны записи русских старожильческих говоров Среднего Приобья.)

ственно познаваемый мир [3]. В.Н. Топоров [4] отметил историчность вещей в том смысле, что они начали изготавливаться либо использоваться в вещной функции на определенной стадии цивилизации. В процессе культурогенеза количество артефактов всё разрасталось, захватывая уже не только утилитарную сферу [5]. «Живое (поступок, мысль, слово) исчезло бы, не превратившись в артефакты... в некие «памятники» жизни человеческого духа, его целей, замыслов, идей. Артефактичность связана с памятью о человеческой жизни» [2. С. 63].

С семиотической точки зрения среди предметов материального мира, видимо, проходят две границы¹, которые разделяют (а) утилитарные вещи (функциональные артефакты) и предметы искусства, (б) профанные и сакральные вещи. Что касается второй оппозиции, то она была обоснована еще Э. Тайлором, Дж. Фрезером и Э. Дюркгеймом в различных вариантах: рациональное / иррациональное, функциональное / эстетическое, утилитарное / экстраутилитарное и т.п. [7]. Иными словами, семиотический статус вещей оказывается неравным (см. работы П.Г. Богатырева, Ж. Бодрийяра, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, А.К. Байбурина, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой, А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, И.Ф. Игнатьевой, Т.Б. Банковой), и зыбкость этих границ неоднократно привлекала внимание исследователей [6–8].

Традиционное сознание вписывает вещи в темпоральный план, зачастую не отделяя их от живых объектов: так, в среднеобских говорах метафорически актуализуются общерусские лексические единицы *жить (жизнь)*, *болеть(болезнь)* в отношении артефактов: *Была плёнка хороша, сколь годов жила, не рвалась, ничё; Она [ступка] так у Гути и живёт; Я девчонкой вышивала полотенца, ешио шычас живы; Чашка хороша. Ручка отвалилась, а чашка жива. Ручка у нас изломалась, давай клейстер сделали, склеили; А счас мотор сгорел [у холодильника]. Она взяла да позвонила... А сказала: «Сама больша болезнь у нас – на триста пишсят тысяч. Само дорого».* С другой стороны, лексемы *износиться (износ)* относятся к людям и животным: *Годов мне много, можно износиться, да я слёз-то сколько видела; Что ты, в деревне быстро люди стареют. Изнашиваются работой; Износу не было корове.* Вещи могут также связываться с идеей жизненного цикла². Ме-

¹ О маргинальном месте фетишей см. [6].

² Поскольку темпоральность – один из каркасов, скрепляющих образ мира, подобное явление, зародившись, вероятно, в рамках первобытной культуры, развиваясь, пронизывало и высокую культуру Средневековья, оставив некоторые следы и в Новом времени. И связано оно не только с артефактами. Так, в книге по гидравлике, изданной во Франции в 1779 г. (Buat L.-G. *De principes d'hydraulique*), автор оставил следующее описание: «Река от истока и до ее впадения в море воспроизводит различные стадии возраста человека... Резвая и капризная во Младенчестве, она игриво вращает мельничные колеса и закручивается под цветами в водовороты. В Юности, порывистая и стремительная, она бьется о берега, вырывает с корнем деревья и переворачивает [все на своем пути]. В Среднем течении она серьезна и мудра, обходит препятствия и уступает обстоятельствам. В Старости она остепеняется, становится мирной, величественной и молчаливой; ее спокойные воды текут ровно и вскоре растворяются в безбрежном океане» (цит. по: [9. С. 232]). Однако более устойчивой оказалась метафора жизненных циклов по отношению к нациям и социальным институтам. Она использовалась еще Дикеархом Мессинским, Полибием и Сенекой, оказалась востребованной отцами церкви (Бл. Августин)

тафора старения в отношении искусственно созданных объектов воспринимается сейчас как совершенно стершаяся, привычная: *Деревня старая – три столетия будет; Ну, старые оси нашли, я их все выправил, где подьездились, я наростил туды; А Гутя ходила [на кладбище], венки, гыт, зажелтели, устарели.*

Язык, создающий свою картину реальной действительности, располагает разноуровневыми единицами, которые специфически взаимодействуют с темпоральной семантикой. Время существует вне языка и одновременно находится в его власти. Несмотря на то, что семантическая связь лексической единицы со временем может трактоваться по-разному, принято считать, что наиболее ярко время выражают глаголы, а на противоположном полюсе находятся предметные имена, куда включаются и наименования артефактов. Тем не менее отношение номинации вещной сущности ко времени может быть описано через аспектуальные («внутренние») временные характеристики [10, 11].

По мнению Е.В. Рахилиной [11], семантическая интерпретация «старости» объектов представлена четырьмя разновидностями: (I) давность возникновения и существования объекта, (II) давность использования, ведущая за собой ветхость и / или негодность объекта, (III) неиспользование в настоящее время объекта, (IV) создание объекта в прошлом и отнесение его к прошлому. В результате выделяются четыре класса имен, соотносящихся с темпоральным определением *старый*: номинации природных объектов, артефактов с ограниченным сроком жизни, «сменных» и креативных объектов. Представляется, что в I класс, помимо выделенных Е.В. Рахилиной имен некоторых натурфактов (типа *лес, гриб, слон, мозоль*), следует включить и собственно имена артефактов в их широком понимании (*Счас от старые да эти вот архивы-то достать*). По отношению к ним в среднеобских говорах в близком значении употребляется определение *давнишний* – его формальные варианты (*Это давнишня песня; Серговка – это давнишня деревня; Тут давнишня церква, стара церква*). Что касается имен III класса, то диалектный материал не позволяет говорить о какой-либо специфике по отношению к общенациональному языку (*Она гыт: «Эта этикетка стара, а теперь на вина на все добавилась цена»; А у меня прошлый год [зубной техник] новы зубы делал. Шцубко тяжело. Прямо изрезал всё. Те, стары, изделал хорошо, так двадцать лет носила. А эти не могу.*). Исследовательская задача данной работы – анализ взаимосвязи в диалектном дискурсе имен артефактов II и IV классов как отражения конститутивных черт традиционной культуры (далее – ТК).

Что представляет собой вещь? Отдельный объект, созданный для удовлетворения той или иной потребности человека. Именно назначение творит вещь, утратив его, вещь обесмысливается, «развеществляется» [1]. Казалось бы, вещь постоянно обладает тождественной функцией и идентичной субстанцией. Из-за чего «стареют» вещи? Из-за морального или материального

износа. Темпы морального устаревания артефактов, вероятно, одна из ярких черт того или иного типа культуры (с другой точки зрения – уровня цивилизации). «В те времена, когда материалы были дороги, а труд – дешев, вещи делали на века, часто передавая их из поколения в поколение. Теперь цикл, включающий в себя изобретение, использование и устаревание предмета, может быть завершен даже не на протяжении жизни одного поколения, а лет за десять или того быстрее» [9. С. 599–600], (см. также [5, 12]). Согласно теории крупнейшего социолога прошлого века П. Сорокина [12], сама возможность морального устаревания артефактов разделяет два основных типа культур – сенсативный, к которому относятся культуры становления, признающие подлинной только чувственную реальность, и идеационный, связанный с культурами бытия, где абсолютизируется сверхчувственное. В рамках культур первого типа стремительно выходят из употребления и исчезают целые категории артефактов. Однако в диалектном дискурсе подобная интерпретация старости вещей до сих пор оказывается довольно редкой: *Пистонка – старое ружье, через ствол заряжают, курок взводится, и в чашечке пистон прилепляется. Пистон – капсуль, который воспламеняется; Дома у всех разные, стары все избы. Теперь и пятистенны, это когда четыре стены, а посередине дома ещё стена; А старинная одежда – её шили не так; Старый фасон хитро было шить*. ТК ближе к идеационному типу, и временные отношения, структуры и стратегии в ней проникнуты иным мировосприятием. Носителям ТК важна материальная долговечность вещи, поскольку ее «моральная» ценность чаще всего остается безусловной, не подвергаясь пересмотру: *Ешо не токо что моей матери, ешо тятиной матери [икона] медна. Дак а им чё сдедятся? Токо почисти, чтоб посветлей было; Из кондового леса дома строили, даже в тайгу ездили. Дома долго стояли; Я ведь в этом доме всю жизнь живу: и родилась здесь, и свадьбу здесь играли; Я перед свадьбой сам сделал диван деревянный. Вон скоко лет стоит; Поддѣвки были плисовы, сзади боры, а спереди нету, их покупали. Раньше «плис» назывался, которы [люди] берегли, дак они век извековали, и помѣрли, положили; Двадцать годов носил одну рубаху; Вот раньше купил костюм дли пальто и носит его годов двадцать; Этому половику, наверное, лет шестьдесят. Поди, больше; А одному коврику, наверно, лет семьдесят. Ну, там уж одни махры. Только в последнее время культурная традиция стала вызывать некоторую иронию: Куртка ший кака у меня! От нового по-топа. Нонче кто-то говорит <...>: «Сорок, поди, лет?» Я говорю: «Сорок не сорок, а около».*

Время разрушает материальную субстанцию вещи или препятствует ее функционированию. Поскольку существование вещи оправдано только ее использованием, человек пытается защитить ее от старящего воздействия времени, «подновляя». Эти процессы чаще всего описываются предикатами **чинить, латать, штопать, прихватывать**₁ ‘непрочно скреплять, починяя’, **ремонттировать, ладить**₂ ‘налаживать, ремонттировать’, **подделывать** ‘подправить, подремонтировать’, **подправить** и их дериватами: В будни в чём попало, в заплатках ходили, починят; Чё мы хорошего носили? До самого замужества мамыны ботинки носила. И одежду каку? Мама починит чё, и носишь; И валенки починяла, и вязала всё на свете. Бедно жили, бедно. Эти

валенки сколько раз починят, пока...; Я одела починетую кофту и пойду; Заплатки ставили, всё испочинето; У него не заплата, зашьёт через край; И счас до сех пор всё штопаю, латаю; Молода была, тапочки оторвутся, сам мало-мало прихватишь, никого я чё-то не видела, чтоб така хороша обувь была; По деревням ходила работала. Пимишки шпагатом исхрещу, исплету и ходила так всю зиму. Лучше бы не поминать; Латки на латках. О Господи!; У ей на юбке латка больша; Ну, печь ничё так-то, ты её подправил всё равно?; Счас же вот телега, отремонтировать, там колёса сделать и починить избу, и прочее такое сделать, да; А зима-то, она будет опять. Дом-то завалится. Ремонтировать надо; Я вот ремонт ировал колёса, всё справно было; Я там ладил, гыт, магнитофон; Трезвый-то он нынче машину три дня ладил.

Социально-экономические условия, в которых веками существовало крестьянство и в западной, и в восточной цивилизации, привели к тому, что в ТК «старость» вещей зачастую означала не просто их начинающееся разрушение, но далеко зашедшее¹: *У девки обуй худой, дыра на дыре; Пинжак с наградами у него, дык хомяки вот так всё проели. Одежда висцётся, вся проедена; Одно съели моё пальто [крысы], прямо выели на спине, и друго пальто; Изорвалась она [штора], сбоку; Здесь теперь движок изгонялся [вышел из строя]; Ох, была хорошая литовка, да вся издержалась; Эта чугуночка у меня и чечас есть, только издыриватилась; Не бери это ведро, оно бегуче, замочишь платье; Двадцать с лишним лет [печке]. Двадцать один ли двадцать два года. Изгорела прям, проваливается вверх; У их каменка развалилась, всю зиму ходят [мыться к родственнице]; У меня баня понарушилась; Машину старую истрепал, а ездить не на чем. При этом старые вещи использовались до последней возможности: А так она [сковорода] бегуча... Я в русской печке стряпаю на ей, кода заткну там чем, тряпкой, дырочку-то; А парнишки придут [на вечерку], колени пропашены у брюк, оне засучут до сих пор, чтобы дыры не было видно, и сидят в гармонь наигрывают.*

Поля идеографического словаря [13], которые описывают материальный распад и деструкцию артефактов, «воссоздают в определенной мере безличную, космологизированную картину мира, где в основу структурирования действительности положено научное мировоззрение» [14. С. 72]: 43.5.10. ИЗНОШЕННОСТЬ: ветшать, дряхлеть, отслужить, продраться, издержаться², измочалиться, продырявиться, пропасть, прохудиться, рваться (изорваться, порваться, прорваться), ржаветь (заржаветь, проржаветь), сработаться (изработаться), тереться (стереться), трепаться (истрепаться, обтрепаться), мутызгаться, разлезться; 136.7.1. НЕИСПРАВНОСТЬ: сломаться, отказаться, заедать, течь (протекать), бежать; 43.5.1. МЕХАНИЧЕСКОЕ РАЗРУШЕНИЕ: колоться, ломаться, лопаться, рушиться, нарушаться, распорушаться, разваливаться, трескаться; 53.4.6. ГНИЕ-

¹ Подобная практика трансформировалась: *А счас вот где-нибудь маленько токо разорвёшь, до носки до такой не доносишь, чтоб пропало.* Однако до сих пор носителями ТК положительно воспринимается такой тип женского характера, как «гоюнка»: *Гойунка – это скуповатая хозяйка. <...> Всё она гойт, никогда зря не истратит, ничего не бросит, всё угуйт хорошо.*

² Подчеркнуты диалектные единицы, которые не приводятся в словаре О.С. Баранова.

НИЕ: *гнить, плесневеть, преть, тлеть, трухляветь, цвести (зацвести)*. Анализ дискурсивных данных индивидуализирует эту «космологизированную» картину, позволяя более достоверно выявить способы языковой репрезентации концепта, которые, по справедливому замечанию Л.Г. Гынгазовой, «отвечают условиям коммуникативной выделенности, высокой разработанности семантической сферы, ценностной маркированности» [15. С. 81]. Дискурс как совокупность массива текстов характеризуется интенционально, т. е. может выступать в качестве языкового коррелята определенной социокультурной деятельности. При таком подходе отдельный текст того или иного дискурса отражает не индивидуальную, но надындивидуальную, коллективную речевую практику. Анализ дискурсивного материала – это средство реконструкции «духа» порождающего его сообщества [16].

В среднеобском дискурсе наиболее частотны единицы (и лексические, и текстовые), описывающие «старение» одежды и обуви. Причины этого имеют как внеязыковую, так и собственно языковую характер. В целом срок «жизни» артефактов колеблется в довольно значительных пределах: приготовленная еда, как правило, потребляется почти сразу, тогда как многие мемориальные сооружения предназначены для того, чтобы существовать веками. Повседневная, рабочая холщовая одежда и рабочая же обувь, инструменты, домашняя утварь, мебель и т.д. – те артефакты, которые составляли профанный «вещный мир» ТК, близкий человеку. Видимо, прототипом вещей в русском языковом сознании являются именно одежда и обувь: обветшание, связанное с использованием той или иной вещи, его длительностью и интенсивностью, называется *износом*, ядро концепта репрезентируют те артефакты, которые человек может *носить*₂ ‘одеваться во что-нибудь’, которые способны *носиться* – ‘быть, находиться в носке’. Помимо предикатов *износить, изнашиваться, изнашивать*, «старость» одежды и обуви описывают общерусские единицы и их диалектные варианты *истрепать (стрепать), продырявить (продырить)*: *Когда штаны изнасятся, так и назовёшь «штанишки»; Такие папахи носили, тогда фасон, мода была. И я изнасил папаху; Тоже, гыт, и бельё изнашивается... Ну, правда, не покупать [если], оно носится; Одёжа есь: Иван оставил, Борис присылал, Василий целый мешок – поношенны рубахи разны, пинжак; Летом стрепала носки; Платьишко продырявилось – дырка в ём.* Кроме того, в среднеобских говорах функционируют собственно диалектные и просторечно-диалектные лексемы: *выносить*: *А одну [шалъ] купила, котора за сто восемьдесят [рублей], гыт, вся выношена. Дыра на дыре; выбродить*: *Чарки-то у его выброжены, ну, давношны. Выношены они. Вернее, они уже на мороз не годятся, колуют; извести*: *Извела обувь. Всё резина, а морозы – ой-ой; истерзаться*: *Шаль была, вся истерзалась; пропасть*: *Чарки-то пропашные; На сапоги нацпело, их проело, всё изъело. Вот так пропал, пропал сапог один; прохухдаться (прохухдаться)*: *Мало поносила капотик, а он уж стал прохухдаться*¹.

¹ Гораздо реже подобные предикаты описывают износ артефактов, не относящихся к категории одежды и обуви: *Продырилось ведро; Подоконники все пропали, стены пропашные.*

Имея прямое значение ‘прийти (приходить) в ветхость в процессе носки’, глагол **износиться (изнашиваться)** употребляется и метафорически, при этом семантический признак ‘носка’ заменяется более абстрактным – ‘использование’: *Сенки нужно было поставить, всё износилось на нет; Мерёжка – дель и есь изношена. Изношена дель [сетчатая ткань из толстых нитей в рыболовных снарядах]*. Более того, он претерпевает дальнейшую семантическую перестройку, выражая значение ‘истощить силы, состарившись’: *Вот я тоже кака, разе плоха была, а изнасилась же, так и ко всему время; Ну! Я шишки била, по кедрам лазила. Вот кака была цетка. А теперь уж изнасилась, года большиц*.

Применительно к среде артефактов результат постепенного процесса превращения вещи в негодную получает языковое выражение в именах с неспециализированным и специализированным значением. К первым относятся единицы **барахло, рухлядь, старьё**: *Которо всё изнасилась, барахло называли; Барахло – домашняя рухлядь, ненужные вещи. Ещё называют тряпки, махор; Барахло – если обуток худой или одёжа. Это барахло бросить надо, хомут там, верёвка, негодное всё; Барахло – ну, барахлянна штука, выкинуть надо. От капкан у меня вышел из строя, барахло; «Хозяйство» называлось, «мебель», «движимое». Называют и «барахлом», когда нет ничего путявого; Часто говорят: «Никуда не годный, барахольный»; Это [ткацкий станок] уж старьё. Наверно, ново сделали. По образцу-то сделали; Из старья никто строить не будет*.

Специализированные имена преимущественно¹ обозначают старую одежду, а также тканые изделия: **обносок, махор, махорок, махры, махрутки, махротья, махорная (одежда), обносок**: *Зачем меня мама взадях родила? Я бы обноски не носила; Чё у ней платье-то, поди, обносок какой?; Какой махор схватил и укрылся. Это одёжа поношена; Махор схватывают и садятся кататься на катушки; Махорком утёрся; Где-то скатереть не могу найти, махрдами завалилось всё; Пойти надо махры погладить; [Собеседница гладит бельё]: Кого прыскаешь, махры. Прямо беда с тобой; Махров до черта, не переносить!; Ой, Владька, да иди ты ешо от меня со своими махрдами! Своих вот навалом везде!; Из-за дому боязно: ешо уедешь, последни махры уташишут; Она то наденет шаль хорошу, то махрутки на себя надеват; И хороша одёжа, и махорна. Махорна – это старенька, дряхленька; Махротья? А вот, чё на мне. Это чё, ново? Махротья; А у ей тётка работала в интернате, Физина сестра, ну она ей всё старенький запахнут какой махор туды, а оттудова всё новенько с иголки вывозили. Полностью «состарившаяся», наконец, одежда, которая устарела даже морально, выйдя из обычая, моды, или не может больше подвергаться починке, в статусе **вётоши, тряпок, махров** идёт на*

¹ Специализированные номинации старых построек – **развалина, развалоха**: Хоть маленько её привели в божеский вид, а то она [изба] вообще уже разваливалась; Когда избушка старая, её называют «развалина» и «развалоха»; Ну, дак развалина, развалоха это. Дом, например. **Халупа** – это прежде всего ‘бедное’ и ‘маленькое’ жилище, в то время как **развалиной, развалохой** может стать и некогда большая постройка. Единицы **лачуга, хибара** в текстах среднеобского дискурса не встречаются.

«домашнюю» переработку¹: *Кофты шили с вѣтошью, вместо как сейчас фуфайки, они строчились; Стежѣт одѣжу и на марлю тряпку старую накладывают – это вѣтошь; Подклад – это подкладывают под куфайку, и вѣтошь под куфайку идёт; Кучами привезут [дети старые вещи]: «На, кому-нибудь отдай или изорви на тряпки»; Какѣ тряпки худые возьмѣшь и нарежешь, и тоже ткали половики. У меня сейчас вон ешо один болтается; Тряпки всяки нарежем – махры это, когда покрасим, ими ткать будем; А ткала она тряпочками, из своих вещей там делала; Цвет какой выбирали [для дорожек]? Ну, дак это тряпки: твоѣ платьишко, моѣ платьишко. Еще в сер. XX в. старую одежду принимали в кустарную переработку и старьевщики в среднеобских селах назывались *махорниками*₁ (*махорник*₂ – ‘лавка, принимающая утиль’) и *барахольщиками*. По деревне ходил махорник. Ему одѣжу стару давали; Удочек нигде нет. В махорниках, где махры продают, только есь; Знаешь, у барахольщика есть.*

Старые артефакты, не выполняющие свои утилитарные функции, начинают загромождать профанный мир. Он небеспроделен: его структура и границы задаются, прежде всего, домом, усадьбой, которые оказываются в состоянии *завала, заваленными*. *А у их какѣ-то тряпки всё, тряпки [во дворе], ой, не дай бог! И палки какѣ-то тоже, и всё, и не дай бог, какой завал!; А она это: «А у нас-то сени завалены все, и изба завалена, горьница – какѣ узлы; Всё стаскала, узлами завалила эту кладовку. Старые вещи подлежат уничтожению или, по крайней мере, удалению из личной, из «своей» сферы. Их отчуждают, выбрасывая, выкидывая (закидывая). Охота получше [иторы], купила бы так суды. А эти выбросила – страшины; Вот от старенький, плохонький, хоть выбрось – комодишко значит; Хоть выбрасывай ружо; Утюг я выкинула, а жалею сейчас; Она у меня там всё выкидывает, всё – скажет, мешочки да всё там, какѣ сѣлофановы, какѣ тряпки были, она всё, как метла, выкидывает; Молотѣги [орудия конной молотѣбы] уж закидали, на лугах машины. Таким образом, состарившиеся вещи превращаются в *бросовые (брошевые)*: У тебя нет там бросова чѣ-нибудь синего либо чѣрного? Махра?; Бросовая обувь; Брошевая черепушечка, котору бросили. Последняя стадия жизни вещи (или уже ее смерть?) обозначается единицами *хлам, хламьѣ*, которые отмечены семой собирательности. Вещи, составляющие хлам, оставаясь дискретными, уже не достойны индивидуальных имен. У меня там всякого хламья: стекло, и банки, и склянки; А там место такѣ. Хламом захламлено, а называют Зачѣсто. И.Ф. Игнатѣва настаивает на том, что, утрачивая функцию ценности в культуре, «артефакт начинает выполнять функцию мусора, т. е. чего-то такого, что является лишним в теле культуры и в памяти. <...> Мусор – это чисто социальное явление. Мусором может быть только то, что мешает человеку. Понятие мусора не применимо в отношении природных явлений, в них все необходимо» [2. С. 20].*

Здесь проходит еще один «шов» между обезличенной философской и диалектной языковой картинами мира. Тексты среднеобского дискурса

¹ Аналогично могут демонтироваться и старые постройки: Баня у них стара была, он её всю на дрова изрезал – один! Всё изрезал; Ну, рубили да жгли [церковь], а кирпич продавали, это, тама-ка кирпично же было. Разбирали всё, продавали кирпич.

не верифицируют сугубую «артефактичность» мусора, в отличие от хлама. Мусор, скорее, амбивалентен: его происхождение связано не только с культурой, но и с природой. Подобного рода отходы именуются в среднеобских говорах **мусором, сором, страмом**: *В лесу-то больше мусорища; Я не люблю, как Вовка берёт ягоду: всё соберёт, весь мусор; Хлеб-то когда убираешь, с мусором он. Плищей хлеб загребают, и в вянки. Сор от хлеба отвевают; Сверху перекадина кладётся – сыплется, выбрасывали в сорьё; Соринка – сор, сорьё говорят у нас. Соринка в глаз попала; Сейчас билась, билась в избе, в избе сору; Нанос – это вот река когда идёт и сор всякий на берег несёт; Просеешь орехи – ни одной страмунки; Или в глаз страмунка попадёт – промывать надо; Страмунка – страм это; Друга неделя и уж простынь никто не стрясёт, сколько страму на ей; А ты бы на половик склади трам и вынесла, а то его как понесёшь-то?; Пускали трам в реку, она пердохла [рыба]*. Приведенные тексты свидетельствуют, что все имена обозначают относительно однородную массу, которая не может быть создана разнородными по физическим параметрам артефактами.

Одно из имен «отходов» культуры и природы *сор* связано также с диалектными наименованиями одного из элементов обрядового свадебного комплекса **сорить пол** или **сор**: *Назавтра пол сорят: чурку несут, солому. Поверья така была. Чё придумают, то и грезют, чтоб потеха была; Потом сор, натаскивают солому в избу, кидают мелочь, невеста метёт, жених собирает деньги; Сор, солому, кидают деньги; Принесут охапку сору в избу, и невеста с венком метёт*. В рамках обряда сор также воплощают не те объекты, которые воспринимаются как прототипические вещи: хлам нельзя «мести», его, как было уже сказано, «выбрасывают», «выкидывают».

Таким образом, генеральная семиотическая линия заключается в том, что время обесценивает утилитарный артефакт, который наделен максимальной ценностью в момент его создания или приобретения, иными словами, будучи новым. В некотором смысле, однако, ценность новых и старых вещей может уравниваться: «только что изготовленные артефакты еще не вполне включены в сферу «своего», а старые и сломанные уже не совсем «свои» [7. С. 85]. Относясь к сфере «чужого», они приобретают функцию медиатора, проводника в нее для человека [17–19]. А.К. Байбурин, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая, А.Л. Топорков и др. неоднократно писали об обрядовых функциях изношенной обуви и одежды, посуды, вышедшей из употребления, старого веника, а также домашних отходов (мусора, помоев) с инокультурной точки зрения исследователя. Однако существует феномен «молчания культуры» о наиболее значимых для нее ценностях [20, 21]. Данную особенность в полной мере воспроизводит и старожильческий дискурс. Проанализированные к настоящему времени тексты эксплицируют лишь несколько способов неутилитарного использования старых артефактов. Наиболее часто возникает мотив обрядового ряжения в старые вещи в святочно-новогодний период: *На Новый год ряженные были. По всей деревне ходили молодёжь, и хорюша одёжа, и махорна, и в саже вымажутся; Наряжались в Новый год. Наденут на себя махры, и пошёл. Ходили по домам, к хозяевам; [В Новый год] кто всяко барахла на себя оденет, кто дедом старым нарядится; Теперь я люблю, подболокусь и выйду на Новый год, все смеются. Рядились*

раньше и таперь редуются. Махры каки-нибудь навздену и сапоги болотны; В святки шулюкан облокаются. Если в хорошу одёжу, то ряженный, а если махор какой страшной, то шулюкан; А ежли худенький, махрюшки каки, тимцики драны да чирки на одну ногу, а тимцико на другую, шапку драму идеват, рожу намазюкат, так то шулюкины зовут. Кроме того, носители ТК описывают далекую от профанности функцию старых веников: Мама болела [желтухой]. Веники пили тригодушны. Ну, три года висят, тогда и пьют; У отца желтушница сердцевая была. Веник бы надо третьегодний, может, бы ладно было; Желтуха редко была. А раньше, как увидят глаза жёлтые, запарят веники третьего года или ешо овёс парили.

Д. Лоуэнталь [9] утверждает, что эстетическое наслаждение, возникающее от патины древности, покрывающей предмет, впервые отмечается в китайских текстах IX в., однако высокие культуры Европы до XVIII в. признаки возраста вещи ценили редко. В современных техногенных обществах отношение к следам времени в целом зависит от назначения артефакта: принято считать, что утилитарные вещи становятся менее привлекательными с возрастом, но предметы искусства не стареют. Остроумно замечание Ш. Ле Корбюзье о том, что человечество с пиететом оберегает Колизей, всего лишь терпит римский акведук и равнодушно позволяет локомотиву ржаветь на свалке [22]. Однако признание ценности «декора» артефактов прошлых эпох выше их современной функциональности возникает лишь в культуре определенного типа на фоне материального достатка. Еще в конце 1960-х гг. социологи настаивали на том, что «представителям менее благополучных социальных слоев (крестьянам, рабочим) нечего делать со стариной и они стремятся к функциональности» [5. С. 92], (см. также [23, 24]). Для носителей ТК появление новых (изготовленных самостоятельно или купленных) утилитарных артефактов было следствием и показателем материального благополучия: *[Какая мебель была у ваших родителей?] От старого потопа. А там ничё и не было. Ну, шкаф был со стёклышками. Ну, столы-то были. Ну, а это так и час есь – вон табаретки, и стулья, и всё и есь. Вот и говорю «от старого потопа», ничё нету; У меня-то ничё нету [хорошей мебели], а то у их [родителей] ешо [бы] было. Тогда у кого чё было?; Вставали – не знаю, когда вставали [прежде]. Часов не было; Отец – батрак, мать – батрачка. Ходили – пятки голы; Мы два батрака поженились только. Ни чашки, ни ложки; Бедно жили, ой, бедно. Отец пашино пахал; Жила в сиротстве, вышла замуж за бедного, робили знашь как, еслив хорошо; Платишки да рубашонки – и парни, и девки все ходили, не могла рядить, да этого ничё не было купить; А то бывало, причёшь в магазин, а взять неча... Куфайчонку завалющую и то не возмёшь.* Появление же реликвий, как правило, подразумевает намеренное приобретение чужих вещей, которые объективируют некое абстрактное прошлое вообще, чужую жизнь. Собственные старые вещи, опредмечивая минувшее время, имеют и еще одну функцию: они утверждают самотождественность человека во все быстрее меняющемся мире. Именно поэтому утилитарные артефакты, которые уже не используются по назначению, не всегда оказываются выброшенными: *Отходит мода, вроде положишь, купишь другое, наденешь. Ну другой раз дак всё равно носить не ношу, а стирать стираю. Выстираю, освежу, посушу, она [одежда]*

опять живёт; Не шуруй ты там, Наташа! Вот беда! Столетне всё выкидат; Валя у нас тоже может выкидать. Ну, я бы сама выкидала [старые тряпки], дак – мне же жалко!; Ой, я счас посмотрю – дак у меня вот негде курочке клюнуть всё этого махра. На тряпку станешь искать – вроде всё жалко. Как по-нашему-то, вот всё жалко, честно! И всё кажется жалко разорвать. А молодым дак счас ничё не жалко; «Баба, у вас сколь этому комоду лет? Вы пошто его не выбрасываете?» – «Я умру, тогда под берег выкинете»; Ну вот я помри – будут махры таскать [родственники] да где-нибудь жечь да бросать да куды-то.

Какие-то «столетние» вещи хранят, не только не используя, но даже не предполагая этого делать: *Всё, что было ношено-ка, да веиши-ка, всё в него [сундук] склала; Теперь открыла мешок со своими платьями, подвенечного платья нету; Вот у ей скатерть сохранилась; Ну, где-нибудь, может быть, у кого-нибудь случайно сохранились [чуни]*. Так артефакты, потеряв свою утилитарную функцию и приобретя символическую, переходят в другой семиотический разряд: своим существованием они маркируют собственное прошлое их владельца. В определенном смысле они сближаются с предметами искусства, главное назначение которых, по мысли А.К. Байбурина [7. С. 81], в том, что «они есть». Подобные вещи маргинальны по сути, располагаясь между сферами материальной и духовной культуры. В результате в диалектном дискурсе темпоральное определение *старый* по отношению к их именам меняется на *старинный*: *Вот у меня старинна скатерть есь. Тонкие прядёшь, комочишка никакого нету. Из вироциных ниток; У меня же стол, круглый такой же. Старинный, давноиний; У меня всё старинное, и всё девичье, и детское, всё. Всё сохранилось, всё; Вот у меня много было старинного, но я много раздала*. Дискурс чаще констатирует не бытие, наличие «старинного» артефакта в настоящий момент, а его небытие, утрату, отнесение его к прошлому времени, которое было прожито и присвоено человеком: *Старинно всё теперь исходит. Теперь купют стеклянну кружку и пьют квас; Бердана, теперь их уже не стало, – это старинное ружьё. Его отворотить и патрон вставишь; А это было старинное-старинное ружьё – берданка; Там такц доски вахельны были, старинны; Хромовы сапоги – из хрома, чистый хром был, старинный*.

Темпоральное определение *старинный* может соединяться не только с именами прототипических «вещей», но с именами артефактов в широком понимании – **закон (мода)**: *Старинный закон был: дружки, поддружки, бояры собрались, венчаться поехали; Замуж выходила в двенадцатом году... У жениха дружка, у невесты только что крёстная. А сейчас зарегистрируют – и всё, старинна мода сейчас бросилась; имя (название, пословица): Раньше здесь одни Вершинины были. Вот имя старинное; Вот я намнясь ходила. Молоды уже смеются, «намнясь» – это уж стары так, старинна пословица*. Реже в рассмотренном значении ‘относящийся к другой эпохе, которую застал говорящий’ употребляются определения *старый*, *давноинный*: *А теперь дают то Настасья, то всяки имена дают стары; Ранний уржай к поздному не ходит... Давноина эта пословица*.

Таким образом, вещи, будучи созданными, по мере своего существования во времени не остаются тождественными сами себе. Они либо постепен-

но утрачивают утилитарную ценность, становясь старыми, и переходят в разряд хлама, который следует отчуждать, либо приобретают символическую ценность залога самоидентификации владельца, превращаясь в старинные и помогая осваивать, т. е. делать своим новое время. Определение *старинный* в отношении артефактов, таким образом, задает «глубину» старины как темпорального слоя ТК. Диалектный материал позволяет сделать вывод, что множества имен артефактов, входящих во II и IV классы, практически тождественны.

Время – спекулятивный феномен, вследствие этого его концептуализация в любой культуре многослойна. С одной стороны, ТК относится к культурам бытия, а не становления: «крестьянская цивилизация», хранившая свои конститутивные черты в течение тысячелетий, жила в «стагнирующем» [25], «неподвижном» [26] времени. Это время надчеловеческое, *время long durée*, в терминах Ф. Броделя. Культура, однако, наряду с этим интерпретирует мир и время и в отношении к человеку. Сопоставимый с человеком мир не отмечен неподвижным временем, он, меняясь, стареет и требует обновления каждый год. Регулярность омоложения связана прежде всего с биотическими натурфактами (но поддерживают обновление мира и артефакты: *Вот мне наказывала мама: «Кода́ будет у тебя день рожденья, мени́ница будешь, дак если нету... платочек новенький надень, ли рубашечку, юбку ли, платье како́-нибудь новенько, а если нет, дак хоть поясочком подпояшься свеженьким, новеньким*). Дискурсивные данные показывают, что между почти неподвижным социальным и быстро меняющимся миром природы артефицированный мир ТК был в чем-то ближе человеку по временным характеристикам своей «жизни».

Литература

1. Хайдеггер М. Вещь и творение // Хайдеггер. М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М., 1993 (1954) С. 55–72.
2. Игнатьева И.Ф. Проблема артефакта: онтология, эпистемология, аксиология. Великий Новгород, 2002. 86 с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
4. Топоров В.Н. Вещь в антропологической перспективе (апология Плюшкина) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995 (1986). С. 7–111.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999 (1968). 222 с.
6. Новик Е.С. «Вещь-знак» и «вещь-жест»: к семиотической интерпретации фетишей // Вестн. РГГУ. 1998. Вып. 2. С. 79–97.
7. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–88.
8. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Вещный мир» человека: коммуникативно-жанровый аспект // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1. С. 170–181.
9. Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004 (1985). 624 с.
10. Урысон Е.В. Аспектуальные компоненты в значении существительного // Московский лингвистический журнал. М., 1996. Т. 2. С. 380–385.
11. Рахилина Е.В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 201–217.
12. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. 1056 с.
13. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М., 1995. 820 с.

14. *Никитина Т.Г.* К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 33–41.
15. *Гынгазова Л.Г.* Физическое и духовное пространство в дискурсе носителей традиционной культуры // Картины русского мира. Томск, 2007. С. 78–109.
16. *Чернявская В.Е.* Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2002. С. 122–135.
17. *Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. М., 1989. С. 89–101.
18. *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения – II. М., 1993. С. 3–36.
19. *Страхов А.Б.* О первичной очистительной функции позорящих акций // Palaeoslavica. XV. 2007. № 1. С.137–159.
20. *Левин-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985 (1958). 536 с.
21. *Бибихин В.В.* Язык философии. М., 1994. 416 с.
22. *Le Corbusier Ch.* The City of To-morrow and its Planning. L., 1929. 301 p.
23. *Redfield R.* The Little Community and Peasant Society and Culture. Chicago; London, 1960. 182+92 p.
24. *Scott J. C.* Protest and Profanation: Agrarian Revolt and Little Tradition // Theory and Society. Amsterdam, 1978. Vol. 4, № 1. P. 1–38; Vol. 4, № 2. P. 211–246.
25. *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986 (1957). 622 с.
26. *Ле Руа Ладюри Э.* Застывшая история // Thesis: Теория и история экономических и социальных систем: Альманах. М., 1993. Т. 1, вып. 2. С. 153–173